

В Москве на семьдесят девятом году жизни умер великий экзистенциальный мыслитель ГЕОРГИЙ ДМИТРИЕВИЧ ГАЧЕВ...

Первая моя встреча с Гачевым произошла во время перестройки, когда в «Литературной газете», бывшей в течение нескольких десятилетий отдушиной советской интеллигенции, целую страницу посвятили человеку, который всю свою жизнь писал в стол. В том смысле, что цензура не пропускала написанного. А написал он в стол многотомный труд

«Национальные образы мира». И в той же статье красиво иллюстрировалось, как семантика понятия «пространство» различается в немецком языке и в русском. А вскоре мне пришлось получить жизненную иллюстрацию к этой статье.

Я договорился встречаться с китайцем-другом на том же самом месте в Ростове на центральной площади, где мы с ним один раз уже были. Ровно в назначенное время я был на площади — его не было. Следующие полчаса я метался по всей площади, постепенно нагреваясь, и, когда уже пришел в полную ярость, то обнаружил своего китайского друга, стоявшего ровно на том же миллиметре площади под елочкой, что и в прошлый раз, и красного от гнева. Тут я вспомнил про Гачева.

Гачев был сыном знаменитого болгарского коммуниста и пианиста, друга Димитрова, политического эмигранта Дмитрия Гачева, сгинувшего в сталинских лагерях, и советского музыковеда Мирры Брук. Когда в начале 90-х я привез в Москву из редакции его рукопись «Америка глазами человека, который там никогда не был», он предложил — отдайте моей маме, это будет лучше, чем мне.

90-летняя Мирра Брук с поразительной ясностью ума говорила мне: «Самое главное, чтобы в своей жизни Вы были хоть иногда живым». Она вспоминала о таких моментах Жизни: встрече с Айседорой Дункан, возившейся с каждой из своих воспитанниц буквально до изнеможения; об НКВД, бравшем всех профессоров и аспирантов по списку во время «кампании по посадке» в 1937-м и «забывшем» про нее, так как она находилась в отпуске для работы в библиотеках, и никто не стал ее искать, а когда она вернулась из отпуска, то все сидели, вокруг были одни новые лица — так ее спасло чудо бюрократичности в работе органов; она вспоминала про записку от мужа, пришедшую по невидимому телеграфу через руки сотен уголовников, из лагерей — так она узнала, что он жив и сидит, и, значит, за него можно молиться, как за живого.

Георгий Гачев отказывался мыслить стандартно. Трудно было с ним методологам, так как каждой следующей книгой он разрушал представление о том, каким методом он

якобы пользуется.

Георгий Дмитриевич Гачев закончил филологический факультет МГУ (1952), работал в академических институтах — Институте мировой литературы, Институте славяноведения и балканистики и в Институте истории естествознания и техники, был доктором филологии, но признание в мире он получил и в среде философов, и в среде культурологов, и в среде науковедов.

Гачев неизменно интересовался всем. Его универсализм и энциклопедизм был мало кому доступен в XX веке. Он мог писать хоть про Галилея, хоть про Достоевского, хоть про Киргизию, хоть про Америку, хоть про эротику, хоть про политику. Американцы приглашали его в Гарвард с лекциями — послушать, какой образ Америки для жителей других стран создает их художественная литература.

Границы между «текстами» Гачева условны и проницаемы, Он постоянно проживал, переживал времена, эпохи, страны. Центральной категорией для него была Встреча. Он шел навстречу любым возможностям встретиться. Я вез к нему и потомственного китайского гадалщика на «Книге перемен» и американцев-конфликтологов — ему были интересны все. Это был человек способный удивляться. Он удивлялся текстам физиков, химиков, математиков Нового времени и открывал, что открытия и построения итальянцев сильно отличались от открытий и построений англичан, французов и германцев. Одна его книга так и называлась «Книга удивлений».

Работы Гачева — «Национальные образы мира», «Русская дума. Портреты русских мыслителей», «Образы Индии. Опыт экзистенциальной культурологии», «Образы Америки, или Америка глазами человека, который там никогда не был», «С Толстым — встреча через век», «Смысл растения», «Наука и национальные культуры», «Эпос, лирика, театр»... Его мысль, его язык постоянно претерпевали превращения, от книги к книге — он в них не самовыражался, он в них превращался, он проживал свои произведения, он их вынашивал и рожал...

Эксцентричность и ученость, парадоксальность и наивность, жажда цельности и самоирония, спаянность со временем и умение из него выпрыгнуть, страсть к новизне и готовность многократно повторять сказанное. Один из фрагментов своего лирического эпоса он назвал «Жизнь с Мыслью. Книга счастливого человека (пока...)».

Мысли Гачева — когда тебе будут американские или европейские профессора говорить, что мы все вносим свою лепту в строительство единого всемирного здания науки или профессии, все равно чего, сварки или экзистенциальной психотерапии, не верь им, лучше пойди и подставь голову под свежую воду. Единый мир — великий обман технической цивилизации. Миров много, между ними пропасть, и если захочешь между ними строить диалог, если без этого тебе невозможно, то не жалуйся, что тебе все намнут бока и никто за это не будет благодарен, потому что они признают один мир — свой собственный. Эти гачевские мысли помогали мне выращивать Институт экзистенциального консультирования — учебное заведение, в котором он не успел прочитать ни одной лекции («зачем повторять, пускай читают, что я уже написал, и

пишут свое»), но слушателей которого, не зная, он холил и лелеял.

В одном из эссе Гачев сформулировал, как должна звучать его эпитафия: «Упуская время, жил счастливо».

Семен Есельсон (Россия)